

УДК 34

DOI 10.21661/r-115195

*А.Б. Лазарев*

**ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА  
НА ПРИМЕРЕ ЕСПЧ И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ. РОЛЬ  
ЕСПЧ И КС РФ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ**

*Аннотация:* в данной работе рассматривается взаимосвязь национального и международного права на примере судебной практики Европейского Суда по правам человека (как пример международного, интернационального права) и Конституционного Суда России (как пример национального, внутригосударственного права). Автор выясняет, какое право имеет большую значимость, весомость для России, чьи нормы имеют больший приоритет, – нормы международного права или нормы права Российского, например, собственной Конституции – Основного закона страны, поднимает вопрос соотношения верховенства международного права и государственного суверенитета. Автором также изучаются проблемы реализации решений ЕСПЧ и рассматривается проблема их имплементаций, исследуется роль ЕСПЧ и Конвенции [23] в Конституционном праве России.

*Ключевые слова:* национальное право, международное право, права человека, судебная власть, правосудие, судопроизводство, правотворчество, судебная практика, толкование, судебный контроль.

*A.B. Lazarev*

**CONNECTION BETWEEN NATIONAL AND INTERNATIONAL LAW BY  
THE EXAMPLE OF ECHR AND CONSTITUTIONAL COURT OF RUSSIAN  
FEDERATION. THE ROLE OF ECHR IN THE RUSSIAN  
CONSTITUTIONAL LAW**

*Abstract:* abstract: this article is devoted to the interconnection of national and international law by the example of court practice of European Court of Human Rights

*(international law as an example) and Russian Constitutional Court (national and domestic law as an example). Autor is exploring which law is more important for Russia and which norms are more valuable – norms of international law or norms of Russian law, for example, its Constitution – the fundamental law of the country, discusses the rule of international law and state sovereignty. The author describes ECHR problem realization, the problem of their implementation and the role of ECHR and Convention in Russian Conventional Law.*

**Keywords:** *national law, international law, human rights, the judiciary, justice, law-making, jurisprudence, court practice, interpretation, judicial control.*

Для решения обозначенных вопросов, приводятся примеры из судебной практики, как Конституционного Суда РФ, так и ЕСПЧ, за основу берутся высказывания известных российских и зарубежных правоведов, на основе чего, Автором дается оценка сложившейся ситуации с учетом довольно разностороннего мнения.

В своей статье, Автор придерживается взгляда, что при возникновении коллизий между нормами Конституции РФ и нормами международного договора или нормами общепризнанного международного права, приоритетное положение имеют нормы Конституции РФ, с оговоркой, направленной на запрещение внутригосударственного произвола в области прав и свобод граждан.

Глобализация в XXI веке представляет собой закономерное явление общественной жизни и пронизывает все больше сфер. Современная глобализация распространяется как внутри государства, так и вне, – на мировой арене. Так, современные реалии экономической глобализации, влияют на выстраивание межгосударственных отношений стран по всему миру, приводя к взаимному успешному товарообороту, обмену инновационными технологиями, опыту в различных финансовых достижениях, созданию экономических блоков, союзов, организаций. Политическая глобализация приводит к формированию гражданского общества, способствует обмену идеями в области демократизации политической сферы, уменьшения роли государства в экономике, повышению роли прав и свобод

граждан, усиления механизма защиты прав граждан государством. Глобализация в социальной сфере приводит повышению уровня жизни населения, а также качеству самой жизни, благосостоянию и благополучию населения, содействует развитию социальной урбанизации и мобильности. Можно довольно долго перечислять все сферы общественной жизни, которые в настоящий момент затронуты глобализацией, однако, неоспоримым фактом является утверждение, что в наш, информационный век, век постиндустриального общества, главным в процессе глобализации является ее современное правовое регулирование, которое раскрывается через международное и национальное право государств.

Современное право, будь то международное, или национальное, становятся все более близкими, взаимозависимыми. Поэтому соотношение международного права и национального законодательства является актуальной проблемой, особенно в том случае, если они противоречат друг другу.

Россия является полноправным участником международных правоотношений. Это подтверждает и п. 4 ст. 15 Конституции РФ [1], который указывает, что: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются основной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Вместе с тем и другие статьи Основного закона страны имеют отсылки к соблюдению принципов и норм международного права, а также международных договоров (Например, ч. 1 ст. 17, ст. 62 и 63 Конституции РФ). Но подобное приоритет международного права распространяется на обычные законы, а не на конституционные нормы. И как справедливо отмечает К.С. Лазарев подобное положение неизбежно ставит вопрос «о соотношении норм Конституции и международного права» [24].

Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, которая выражается в ее прямом действии и применении на всей территории РФ. В ч. 1 ст. 15 Конституции РФ указано, что законы, а также иные правовые акты, которые принимаются в РФ, не должны противоречить нормам Конституции РФ.

Некоторые правоведы толкуют данную норму буквально. И как следствие, делают вывод о том, что конституционные нормы не обладают верховенством над нормами международного права и международными договорами РФ, которые общепризнаны. В свою очередь А.Б. Борисов справедливо отмечает, что подобное положение Конституции РФ «лишь конкретизирует доводы о высшей юридической силы Конституции РФ» [25]. Это указывает на то, что высшая юридическая сила Конституций РФ распространяется и на внутригосударственные нормативные акты, и на нормы договорного и общего права, которые стали частью национального права РФ.

К мнению А.Б. Борисова присоединение и Конституционный суд. Так в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 г. №8–П г., в котором говорится, что, хотя Конституция РФ непосредственно не устанавливает условия и порядок заключения, а также выполнения и прекращения международных договоров РФ, но возлагает решение подобных вопросов на федерального законодателя, в подтверждение приводятся нормы ст. 72, п. «к» ст. 72, п. «о» ч. 1 ст. 1, ч. 1–2 ст. 76 Конституций РФ. В свою очередь федеральный законодатель, который обладает значительной дискрецией в процессе осуществления указанного правового регулирования обязан следовать требованиям, установленными Конституцией РФ [6].

С другой стороны нормы международного права призваны указывать на нерешенные проблемы в национальном законодательстве России, которые связаны с нарушением прав и свобод граждан. Данный факт учтен в положении ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, в соответствии с которым граждане РФ имеют право обращаться с целью защиты нарушенных прав и свобод в правозащитные межгосударственные органы. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) – занимает особое место в этом ряду.

5 мая 1998 года в России вступила в силу Конвенция о защите прав человека и основных свободы [2] 30 марта 1998 года Конвенция о защите прав человека и основных свобод была в России ратифицирована и признает нормы Конвенции «ipso-facto и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по

правам человека обязательной по вопросам толкования и применения и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения РФ положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации» [4].

Это положение указывает на то, что для национального законодательства РФ обязательны и нормы Конвенции, и конкретные решения ЕСПЧ, в виду того, что являются прецедентами Европейского суда по правам человека в рамках толкования и применения соответствующих положений законодательства РФ.

Многие правоведы задаются вопросом: насколько решение ЕСПЧ обязательно для исполнения в России?

По мнению зарубежных юристов Р. Кей и М. Джианис исполнение решений ЕСПЧ побуждает законодателя к совершенству действующего национального законодательства.

С другой стороны, как правильно указывает К. Васак, решения ЕСПЧ носят имплементационный характер и является особым международным механизмом, который позволяет изменять национальное законодательство. При этом подобный механизм функционирует вне государства, однако «выражает общие ценности всего человечества» [26].

Таким образом, многие зарубежные юристы указывают на верховенство международного права над национальным правом.

Подобного мнения придерживаются и некоторые отечественные правоведы. Так, В.Д. Бастрыкин заявляет, что отсутствие приоритета национального законодательства над международными договорами в Основном законе РФ, является «диверсией» против отечественного законодательства и «работает против интересов России». Изменение положения статьи 15 Конституции РФ позволит не только укрепить независимость в правовой сфере, но «вернет к лучшим традициям отечественного судопроизводства» [18].

В свою очередь Н.Н. Гашина указывает, что постановления, которые принимаются ЕСПЧ в отношении других государств, являющихся участниками Кон-

венции, по формальному признаку не выступают частью правовой системы Российской Федерации. Однако, правовые позиции, которые являются основой подобных решений, имеют как для России, так и для других стран, которые не участвуют в деле, юридическое значение [27]. Такое положение обусловлено тем, что решения ЕСПЧ с одной стороны толкуют Конвенцию, а с другой дополняют и развивают ее новыми нормами.

Такого же мнения придерживается и Верховный Суд РФ. Например, в п. 10 Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 указано, что «применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [8].

Анализ имплементации решений ЕСПЧ в правоприменительной практике свидетельствует о том, что в России предпринимаются практические шаги как для совершенствования национального законодательства, так и для защиты прав и свобод человека и гражданина, и в последнее время – для реализации решений ЕСПЧ и норм Конвенции. Таким примером является поправки к статье 5 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [5], которые были внесены в июле 2007, в соответствии с которыми правоохранительным органам запрещается в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности подстрекать граждан для того, чтобы последние совершали противоправные действия, также запрещается фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности.

Нельзя не отметить, что в июне 2013 года Верховный суд принял Постановление «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [9], в котором определяется особая роль Конвенции в защите прав и свобод человека, а также возможные пути имплементации решений ЕСПЧ.

Несмотря на столь позитивные тенденции, которые наблюдаются в российском законодательстве, встречаются существенные проблемы при применении

решений ЕСПЧ. Правоведы, анализируя подобную практику выделяют следующие проблемы:

- доступность, которая выражается в не большом количестве переводов, в том числе и официальных, решений ЕСПЧ [28];

- исполнение решений ЕСПЧ [29]. Так, В.Д. Зорькин высказывая опасения о том, что решение ЕСПЧ может поставить под сомнение легитимности выборов, предлагает три сценария по предотвращению подобной «угрозы»:

- 1) установление «принципа жесточайшего приоритета национального права над наднациональным», но тут же делает поправку о том, что такой подход приведет к необратимым и негативным последствиям для России. Действительно такой сценарий маловероятен, особенно в свете введенных санкций со стороны ряда зарубежных государств;

- 2) полное подчинение национального наднациональному, т.е. полный отказ от суверенитета как де-юре, так и де-факто. Подобный сценарий, по нашему мнению, также неприемлем, так как суверенитет государства является одной из главных общечеловеческих ценностей;

- 3) рассматривать каждое решение ЕСПЧ дифференцировано, ибо оно является не только юридическим, но и политическим актом. При этом В.Д. Зорькин указывает, что неукоснительное соблюдение решений ЕСПЧ возможно в том случае, если они принимаются для защиты прав и свободы граждан, а также для защиты нашей страны. Однако, в том случае, если решение Страсбургского суда сомнительны с точки зрения самой Конвенции и затрагивают национальный суверенитет, основные конституционные принципы, Россия имеет право не только выработать, но и активно применять защитный механизм от подобных решений. Подобное вмешательство во внутренние дела России – это «дирижирование» правовой ситуацией в стране и таких «дирижеров» надо поправлять, самым решительным образом [13]. Подобный подход к решению проблемы имплементации решений ЕСПЧ является тревожным, особенно в свете того, что такие мысли высказывает Председатель Конституционного суда. Это связано с тем, что, во-первых, обязательства, которые вытекают из Европейской конвенции, Россия

взяла на себя добровольно, поэтому о каком-либо ограничении суверенитета глупо говорить. Во-вторых, приравнивание правовых актов к политическим актам, особенно со стороны Председателя Конституционного суда – это профессиональная деформация.

По мнению В.Д. Зорькина именно последний сценарий является наиболее оптимальным. Но тогда возникает закономерный вопрос: какие решения Европейского суда необходимо выполнять? Только те, которые не понравятся кому-то во власти? Возможно, лучше изменить выборную и судебную систему России, чтобы у граждан не было необходимости искать справедливости в Страсбургском суде. В данном случае измеряется предел не уступчивости государства, а уступчивости граждан.

- унификации и универсализации, т.е. в России наблюдается теодицея оправдания ограничения защиты прав и свобод граждан необходимостью защиты суверенных интересов государства [31];

- большое количество обращений российских граждан в ЕСПЧ. Так, Россия занимает второе место по количеству поданных обращений в ЕСПЧ, уступая пальму первенства только Украине. Общее количество обращений, поступивших от граждан РФ в 2015 году составили 14% от общего количества жалоб, ожидающих рассмотрения ЕСПЧ [22];

- правотворческие ошибки, встречающиеся в нормотворческих правовых актах РФ. Примером подобная ошибка была обнаружена при ознакомлении с текстом решения ЕСПЧ по делу «Баранкевич против Российской Федерации» [3]. В данном деле ЕСПЧ установил факт нарушения Конвенции, но был введен в заблуждение российскими властями по поводу национального законодательства России. Исследование данного дела показывает, что обращение в ЕСПЧ накладывает определенную ответственность на Уполномоченного Российской Федерации при ЕСПЧ, который должен быть компетентным и быть образцом судебного представителя.

Таким образом, в российском праве отмечаются существенные проблемы реализации решений ЕСПЧ, которые тесно связаны с реализацией государственного суверенитета посредством обеспечения высшей юридической силы Конституции РФ. Как справедливо отмечает В.В. Невский Конституция РФ и законы РФ являются охранительным механизмом, который используется гражданами с целью защиты их прав и законных интересов [32].

В последнее время наиболее актуальной проблемой выступает вопрос защиты избирательных прав. Граждане РФ вынуждены обращаться в Страсбургский суд для защиты нарушенных прав. Одним из ярких примеров выступает решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России». В решении ЕСПЧ по данному делу указано, что запрет, который предусмотрен статьей 32 Конституции РФ непосредственно нарушает положения статьи 3 Протокола №1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. По мнению ЕСПЧ, участие в выборах – это право, а не привилегия.

В юридической литературе нет единого подхода к данному вопросу. С одной стороны, ограничение пассивного избирательного права не является санкцией, которая предусмотрена Уголовным кодексом РФ, вне зависимости от степени тяжести преступления. С другой стороны, В.А. Черепанов указывает, что ограничение избирательного права является традиционным для российского законодательства, приводя в качестве примера мнение В.В. Гессена, который жил в начале XX века [19]. С подобной точкой зрения согласны В.Д. Зорькин, Б.С. Эбзеев и многие другие правоведы.

Точку в данном споре поставил Конституционный Суд Российской Федерации 19 апреля 2016 года, определил пределы реализации решения Европейского суда по правам человека, которое касается избирательных правах осужденных. Конституционный Суд провозгласил Постановление по делу о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года «Анчугов и Гладков против России». Данное постановление КС интересно тем, что Суд впервые воспользовался правом отказать в исполне-

нии решения Страсбургского суда. Конституционный Суд посчитал, что международный орган нарушил суверенитет страны, потребовав, чтобы Россия предоставила избирательные права заключенным, что решение Страсбургского суда по делу «Анчугов и Гладков против России» противоречит Конституции Российской Федерации, поэтому его невозможно исполнить [7].

В деле Владимира и Гладкова Сергея Анчугова ЕСПЧ пришел к выводу о, том, что были нарушены российскими властями положения статьи 3 Протокола №1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые гарантируют право на свободные выборы. По мнению Страсбургского суда, положение, которое закреплено в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ и касается ограничения права голоса носит автоматический, абсолютный и недифференцированный характер. Данное положение касается всех лиц, отбывающих по приговору суда наказание в виде лишения свободы и распространяется на весь период отбывания такого наказания вне зависимости от тяжести и вида совершенного преступления, срока назначенного наказания и иных индивидуальных обстоятельств. Учитывая этот факт, ЕСПЧ предложил Российской Федерации обеспечить участие заключенных в выборах посредством политического процесса или путем толкования норм Конституции компетентными органами (в первую очередь – Конституционным Судом РФ) в гармонии с положениями Конвенции.

В своем запросе в Конституционный Суд РФ Министерство юстиции РФ, опираясь на заключение Центризбиркома, просит признать невозможность исполнить в соответствии с Конституцией РФ постановление ЕСПЧ и предоставить право голоса осужденным, содержащимся в местах лишения свободы. По мнению ведомства, вывод Европейского Суда о недопустимости безоговорочного ограничения активного избирательного права таких граждан вступает в противоречие со статьей 32 (часть 3) Конституции РФ. Минюст РФ считает, что согласие с подобной позицией ЕСПЧ, а, следовательно, предоставление заключенным, определенной категории, права голоса на выборах нарушило бы поло-

жения Конституции РФ о её высшей юридической силе и приоритете над любыми другими правовыми актами (статья 15, часть 1 и статья 79 Конституции РФ).

По мнению высоких судей, Европейский суд по правам человека превысил свои полномочия и потребовав от России предоставления избирательного права тем, кто отбывает наказание в колониях. Высокий суд пришел к выводу, что запрет голосовать осужденным содержится в Конституции, и ЕСПЧ не вправе требовать, чтобы Россия вносила изменения в свой Основной закон.

По мнению Конституционного суда «Россия как высокая и международная сторона при ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и признании юрисдикции ЕСПЧ, не давала согласия на изменение Конституции. Конвенция имеет большую юридическую силу, чем федеральные законы, но не большую или равную российской Конституции» [21].

Конституционный Суд РФ исходил из того, что Россия была и остается составной частью европейского правового пространства, которое предполагает равноправный диалог и готовность к компромиссу. Конституционный Суд всегда играл ведущую роль в интеграции позиций ЕСПЧ в российскую правовую систему.

КС РФ признал возможным и реализуемым в российском законодательстве и судебной практике исполнение постановления ЕСПЧ в части мер общего характера, направленных на обеспечение справедливости, соразмерности и дифференцированности применения ограничений избирательных прав осужденных (заключенных). В соответствии со статьей 32 (часть 3) Конституции РФ и конкретизирующими её положениями Уголовного кодекса РФ, по общему правилу, исключается назначение наказания в виде лишения свободы и тем самым ограничение права голоса граждан, совершивших впервые преступления небольшой тяжести, при том, что за более серьезные преступления лишение свободы и, следовательно, запрет на участие в выборах в качестве избирателя применяется только в случае, если менее строгий вид наказания не может обеспечить достижение целей уголовной ответственности.

При этом КС РФ признал невозможным исполнение постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» в части общих мер, предполагающих внесение в российскую правовую систему изменений, которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Предписание статьи 32 (часть 3) Конституции РФ носит императивный характер и распространяется на всех таких осужденных.

Конституционный Суд РФ отметил также, что федеральный законодатель вправе оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы (в частности, в колонии – поселении) в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы, но не влекущие ограничения избирательных прав.

КС РФ признал невозможным исполнение мер индивидуального характера в отношении граждан Анчугова (осужден за убийство, кражи, мошенничество) и Гладкова (осужден за убийство, разбой, участие в организованной преступной группе), которые были приговорены к смертной казни, замененной впоследствии 15-ю годами лишения свободы. Они были осуждены за совершение особо тяжких преступлений, а значит, заведомо не могли рассчитывать на доступ к активному избирательному праву ни по Конституции РФ, ни по международным правовым стандартам.

*В данном случае также необходимо указать, что нормативные правовые акты в РФ разноразрядные по степени важности и значения:*

- 1-й уровень – Нормативный акт высшего уровня – Конституция РФ;
- 2-й уровень – Федеральные конституционные законы РФ;
- 3-й уровень – Федеральные законы РФ;
- 4-й уровень – Указы Президента РФ;
- 5-й уровень – Постановления Правительства РФ и остальные нормативные акты по нисходящей.

Ни один нижестоящий нормативный акт не может противоречить нормативному акту вышестоящего уровня, а учитывая тот факт, что Конвенция о защите

прав человека и основных свобод была ратифицирована Федеральным законом, решения ЕСПЧ являются нормативными актами третьего уровня. Поэтому, формально, решение ЕСПЧ не должны противоречить ни Конституции РФ, ни Федеральным конституционным законам РФ. Однако в подобном случае, по нашему мнению, частично теряется сущность и значимость решений ЕСПЧ.

В российской юридической литературе решению проблемы имплементации решений ЕСПЧ отведено большое место. Некоторые правоведы указывают, что для правильного понимания, а, следовательно, применения решений ЕСПЧ необходимо исследовать европейские стандарты с позиции национального законодательства [20]. Другие правоведы отмечают необходимость принятия Федерального закона, который регулировал порядок исполнения решений ЕСПЧ в РФ [31].

В таком законе должны быть закреплены следующие положения:

- установлен порядок опубликования решений ЕСПЧ в России;
- определен правовой статус и положение решений ЕСПЧ, место решений ЕСПЧ в иерархии источников российского права, установлен характер обязательности для всех органов государственной власти РФ;
- разработана процедура исполнения решений ЕСПЧ в зависимости от характера дела. Если дело касается выплаты компенсации, то устанавливается порядок выплаты компенсации гражданам, который был присужден решением ЕСПЧ. Если для исполнения решения ЕСПЧ необходимо внести изменение в законодательство РФ, то устанавливаются: сроки разработки законопроекта, процедура его принятия и т. д.

Таким образом, международные договора и нормы общепризнанного международного права подчинены нормам Конституции РФ. При возникновении коллизий между нормами Конституции РФ и нормами международного договора или нормами общепризнанного международного права приоритетное положение имеют нормы Конституции РФ. Основными проблемами реализации решений ЕСПЧ являются: ограниченная доступность к решениям ЕСПЧ, проблемы исполнения решений ЕСПЧ, унификации и универсализации, правотворческие

ошибки. Для решения указанных проблем, необходимо принять федеральный закон, который регулировал порядок исполнения решений ЕСПЧ. Однако данный закон в обязательном порядке должен сочетать условие о том, что все существенные достижения в области демократических прав и свобод никоим образом не могли бы быть умалены при любых международных разбирательствах, полностью соответствовать принципу справедливости и целесообразности, а также учитывать нормы морали. Признание Конституции выше международного права ни в коем случае не должно стать лишением последнего права обиженного на защиту от внутригосударственного или межгосударственного произвола.

### ***Список литературы***

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6–ФКЗ, от 30.12.2008 №7–ФКЗ, от 05.02.2014 №2–ФКЗ, от 21.07.2014 №11–ФКЗ) // СЗ РФ от 04.08.2014. – №31. – Ст. 4398.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ от 08.01.2001. – №2. – Ст. 163.

3. Постановление ЕСПЧ от 26.07.2007 Дело Баранкевич (Barankevich) против Российской Федерации (жалоба №10519/03) [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2008. – №10.

4. Федеральный закон от 30.03.1998 №54–ФЗ О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней // СЗ РФ от 06.04.1998. – №14. – Ст. 1514.

5. Федеральный закон от 24.07.2007 №211–ФЗ (с изм. от 22.02.2014) О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму // СЗ РФ от 30.07.2007. – №31. – Ст. 4008.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 №8–П По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона о международных договорах Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова // СЗ РФ от 09.04.2012. – №15. – Ст. 1810.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 №12–П По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу Анчугов и Гладков против России в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // СЗ РФ от 25.04.2016. – №17. – Ст. 2480.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 №5 (ред. от 05.03.2013) О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – №12.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 №21 О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней // РГ от 05.07.2013. – №145.

10. Борисов А.Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с комментариями Конституционного суда РФ. – М.: Книжный мир. – 2015. – 272 с.

11. Гашина Н.Н. Некоторые проблемы реализации решений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2015. – №4. – С. 67–69.

12. Демидова ОВ. Правовая природа решений Европейского суда по правам человека // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2015. – №4. – С. 71–77.

13. Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета от 29.10.2010. – №5325 (246).

14. Карташкин В.А. Принцип уважения прав человека и государственный суверенитет // Международная защита прав человека и государственный суверенитет: Мат. Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2015. – С. 11–17.

15. Лазарев К.С. Конституция России и международные договоры // Вопросы российского и международного права. – 2013. – №4. – С. 180–187.

16. Невский В.В. Конституционное право граждан на судебное обжалование решения избирательной комиссии об итогах голосования на выборах // Рос. юстиция. – 2013. – №11. – С. 2–4.

17. Пирогова Е.Е. Роль решений Европейского суда по правам человека в защите прав граждан России в судах общей юрисдикции // Международная защита прав человека и государственный суверенитет: Мат. Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2015. – С. 69–74.

18. Сергеев Н. Александр Бастрыкин взбодрил коллег на коллегии // Коммерсант от 27.02.2015. – №34. – С. 3.

19. Черепанов В.А. К вопросу об умалении избирательных прав граждан // Российский юридический журнал. – 2012. – №1. – С. 68–73.

20. Чижов И.А. ЕКПЧ. Практика применения в России / И.А. Чижов, Ю.Р. Переверзова // ЭФ–Юрист. – 2013. – №1. – С. 15.

21. марта 2016 года состоялось слушание дела о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года Анчугов и Гладков против России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/ru/Sessions/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=149> (дата обращения: 31.05.2016).

22. Основные статистические данные о деятельности ЕСПЧ в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://europeancourt.ru/uploads/Statistika\\_Evropeyskogo\\_Suda\\_2015\\_9.pdf](http://europeancourt.ru/uploads/Statistika_Evropeyskogo_Suda_2015_9.pdf) (дата обращения: 03.06.2015).

23. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Вступила в силу в России 5 мая 1998 года // СЗ РФ от 08.01.2001. – №2, 3.

24. Лазарев К.С. Конституция России и международные договоры // Вопросы российского и международного права. – 2013. – №4. – С. 185.

25. Борисов А.Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с комментариями Конституционного суда РФ. – М.: Книжный мир, 2015. – С. 98.

26. Карташкин В.А. Принцип уважения прав человека и государственный суверенитет // Международная защита прав человека и государственный суверенитет: Мат. Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2015. – С. 15.

27. Гашина Н.Н. Некоторые проблемы реализации решений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2015. – №4. – С. 67.

28. Демидова ОВ. Правовая природа решений Европейского суда по правам человека // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2015. – №4. – С. 73–75.

29. Пирогова Е.Е. Роль решений Европейского суда по правам человека в защите прав граждан России в судах общей юрисдикции // Международная защита прав человека и государственный суверенитет: мат. Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2015. – С. 71–72.

30. Невский В.В. Конституционное право граждан на судебное обжалование решения избирательной комиссии об итогах голосования на выборах // Рос. юстиция. – 2013. – №11. – С. 2.

31. Гашина Н.Н. Некоторые проблемы реализации решений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2015. – №4. – С. 68.

32. Невский В.В. Конституционное право граждан на судебное обжалование решения избирательной комиссии об итогах голосования на выборах // Рос. юстиция. – 2013. – №11. – С. 2.

---

**Лазарев Андрей Борисович** – магистрант ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»; старший офицер Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации, Россия, Москва.

**Lazarev Andrey Borisovich** – graduate student FSFEI of HE “Russian State Social University”; senior officer of Russian Federation National Courier Service, Russia, Moscow.

---